

Дрей Клёнов

ДОМ у озера

18+

Андрей Клёнов

Дом у озера

<https://litres.ru/74027401>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может пойти не так, если четверо незнакомцев решат вместе написать эротическую драму?

Писатель приглашает трёх соавторов, чтобы работать над книгой в духе Тинто Брасса. Сюжет начинается с провокации: три девушки в баре, вишнёвое вино и игра «правда или действие». Но чем глубже герои погружаются в историю Джессики, Лизы и Марии, тем тоньше становится грань между вымыслом и реальностью.

За лето дом у озера превращается в пространство, где стираются границы — между автором и персонажем, между страхом и свободой, между игрой и любовью.

Андрей Клёнов

Дом у озера

ДОМ У ОЗЕРА

Глава 1

Я прошёл по коридору и остановился в дверях кабинета. Дом дышал пустотой, как старый рояль, на котором никто не играл. Я любил эту тишину, в такие минуты она принадлежала только мне. Здесь я работал. Писал свои книги — те, что никто не читал, и те, что читали, но мало. Переводил с итальянского. Иногда просто сидел и смотрел на озеро.

Старинный стол стоял в центре комнаты. Зелёное сукно, местами потёртое. Свечи в бронзовом канделябре горели неровным, живым светом: пламя то вытягивалось в струну, то приседало. Тени танцевали на стене неторопливо.

Я сел на стул с высокой спинкой. Дерево скрипнуло подо мной знакомо и уютно. Открыл ноутбук. Экран вспыхнул — голубоватый, холодный, немного чужеродный для этого кабинета.

В чате было четыре имени. Моё — и ещё три, женских, горящих зелёными точками присутствия. Они ждали. Курсор мигал. Я положил пальцы на клавиатуру.

— Здравствуйте! Мы с вами работаем уже примерно год, и за это время неплохо сработались и узнали друг друга.

Много чего было — мелкие рассказы на заказ, переводы, инструкции к бытовой технике. Помните эту знаменитую фразу Оксаны к тостеру — «Вилку втыкать только в пяточок замурованного в стене поросёнка!» Мы так с неё угарали, что я забыл вырезать её в финальной версии. И, между прочим, заказчику потом весь гонорар отдал за штраф.

Так вот, я задумался о самостоятельной работе. До этого я писал в стол, переводил, брал заказы — всё, что приносило деньги. Но сейчас я хочу сделать что-то своё. Хочу написать эротическую драму в духе итальянского кино, в стилистике режиссёра Тинто Брасса. Я уже сделал набросок и понял, что один это не вытяну. Там будет много женского взгляда на происходящее. Не только и не столько про секс, сколько про чувства. Будет ли это интересно кому-нибудь из вас? Если решите, что нет — так тому и быть. Но я надеюсь...

Курсор мигал, отсчитывая удары сердца. Я закрыл глаза, чтобы не видеть, как зелёные огоньки сменятся на холодные казённые строки:

— Покинула чат

— Покинула чат

— Покинула чат

Прошла минута, ещё одна. Открываю глаза. Первое, что вижу — три зелёных индикатора живого контакта. Ещё спустя несколько секунд по экрану побежали первые строчки.

Первой написала Оксана. Про неё я знаю, что ей 18 лет, она из Владивостока, города на берегу Тихого океана. На аватарке она стояла у моря: светлые волосы, перехваченные наспех резинкой, простая футболка, джинсы. Глаза — васильковые. Аватарка маленькая, но почему-то именно они выделялись. Учится в университете на маркетолога.

— Дим, я думаю, что готова попробовать с тобой эту затею. Такие фильмы я смотрела, хотя своего опыта у меня маловато. А вот книжек подобных я уже несколько прочитала. У меня уже была в одной работе сцена на пирсе: раннее утро, скрип дерева, две тени в тумане... В общем, я в деле.

Моника, тридцатилетняя москвичка. Её профиль был чёрно-белым. Она прислала текст, набранный с той особой пунктуацией, которая выдаёт женщину, привыкшую взвешивать каждое слово на ладони, прежде чем отпустить его в мир.

— Оксана молодец, что готова рискнуть. Я тоже готова с тобой поработать, Дим. Я много думала про власть женщины. Я даже писала такой текст — получалась элегантная жестокость и бархат. У меня в заглавнике есть история про бизнес-ланч, который закончился совсем не бизнесом...

— О боже, вы такие серьёзные! А я люблю what if — что если? Благопристойная девочка случайно попадает в бордель Дикого Запада, но всё решает не пошло, а смешно и ярко. Это похоже на Брасса? Мне нравятся в тексте цветастые кальсоны, утка на вертеле и диалог, где герои обсуждают ре-

цепт яблочного пирога... за минуту до того, как раздеть друг друга зубами. И никакой меланхолии. Только огненный допад и желание жить на полную.

Клэр. Рыжеволосая, тридцатипятилетняя женщина из Оклахомы. На аватарке она смеялась, запрокинув голову, и в этом смехе было что-то от бескрайних прерий. Волосы её горели, как осенний кленовый лист на солнце.

Самая необычная наша знакомая. Она родилась в Америке, в семье русских эмигрантов. Прекрасно образована, хорошо знает русский язык. Работает на хорошей работе, так она сама про себя написала. Отвечает почти всегда мгновенно, несмотря на разницу во времени. Возможно, у них технологии уже позволяют мозг к компьютеру подключить напрямую. Других вариантов я пока не придумал. То, что она ответила последней, очень необычно. Видимо, мой вопрос сумел-таки поставить её в тупик.

Свеча догорала, воск капал на бронзу. Курсор мигал. Итак, нас четверо — Оксана с её искренностью, Моника с её бархатной властью, Клэр с её солнечным весельем. А что в этот квартет привнесу я? Какая история родится сегодня?

— Я рад, что вы согласились, честное слово. Давайте я сейчас скину сюжет, который себе набросал пару недель назад, по которому уже поработал немного.

Три девушки сидят в баре. Скучают. Пьют лёгкое вино — вишнёвое, сладкое, пахнущее летом и детством, хотя детство уже кончилось. Джессика, Лиза и Мария. Лет им по во-

семнадцать-девятнадцать. Студентки. И воздух вокруг них уже был пропитан той особенной скукой, что толкает хороших девочек на плохие поступки — медленно, незаметно, как тёплая вода закипает незаметно для лягушки в кастрюле, если она не шевелится.

Лиза предлагает игру. Правда или действие. И Джессика, допив бокал одним глотком, ощутив, как тёплая, ленивая волна пробежала по горлу и опустилась куда-то вниз живота, выбирает действие.

И тут молодость и вино наносят свой первый удар.

Лиза оглядывает зал — и её взгляд падает на дальний угол. Столик №15. Он стоял в тени, наполовину скрытый старой, пыльной скатертью бордового цвета, которая свисала почти до самого пола.

— Ты залезешь под столик №15, — говорит Лиза, и её голос вдруг становится масляным, тягучим, — и сделаешь минет первому мужчине, который за него сядет.

Вино наносит второй удар. Джессика соглашается.

— Ну, что скажете? Не слишком? Довольно провокационно, по-моему.

Клэр как обычно отписалась первой.

— Знакомо)

— ЭЭЭЭЭ... — это Оксана — что значит знакомо?

— Смело, Дмитрий, — Моника перешла на официальный тон. — Насчёт девочек это сильно. Я, пожалуй, ещё передумаю, возможно, я не готова к такому повороту. Ты сказал,

что уже поработал над текстом? Скинь, что получилось, и, если что, будь готов, что я выйду из чата, не обессудь.

Бар назывался «У Кровавого Джо», что в Морском тупике, и это было идеальное место, чтобы чувствовать себя одновременно потерянной и найденной. Воздух здесь был слоистым: нижний слой — запах жареного бекона и прогорклого масла, средний — дешёвого табака, верхний — той особенной американской тоски, что застревает в лёгких и не выветривается даже на свежем воздухе. На стенах висели выцветшие афиши давно забытых родео. Лампы под зелёными абажурами бросали на лица посетителей мертвенный, болотный свет. Где-то в углу играло радио — старая кантри-баллада о потерянной любви и найденной собаке.

За столиком у окна сидели трое.

Джессика — блондинка с волосами цвета мокрой соломы, собранными в небрежный хвост на затылке. Глаза — карие, с той особой влажной поволокой, какая бывает у девушек, которые слишком много читают и слишком мало спят. На ней было хлопковое платье в мелкий цветочек — белое с голубым, простенькое, купленное в сельском магазине за углом. Платье задралось выше колен, открыв полоску бледной, ни разу не целованной солнцем кожи.

Лиза — брюнетка с короткой, почти мальчишеской стрижкой. Самая старшая из них, ей девятнадцать. Чёрная

кожаная куртка надета прямо на голое тело, и сквозь распахнутый ворот виднелась маленькая, острая грудь. Губы её были накрашены тёмной вишней — цвет, специально выбранный, чтобы блестел при тусклом свете и оставлял следы на чужих бокалах. Её улыбка всегда отдавала жестокостью — той особенной, которая бывает только у девушек, слишком рано понявших, как работает мир, и решивших, что лучше быть охотником, чем добычей.

Мария — та, что молчит. Смуглая кожа, тяжёлые, как южная ночь, ресницы, и родинка над верхней губой — крошечная, как мазок туши, придающая лицу выражение вечной задумчивости. Длинные пальцы с идеальным, почти взрослым маникюром медленно вращали ножку бокала. Она носила простой серый свитер, но под ним угадывалось что-то кружевное — тайна, доступная лишь тому, кто знает, куда смотреть. Она всегда наблюдала. Всегда молчала. И это молчание было громче любых слов.

— Скука смертная, — выдохнула Лиза, откидываясь на спинку стула. Её кожаная куртка скрипнула — этот звук был похож на звук открываемой двери, за которой темнота. — Давайте сыграем. Правда или действие.

— Это для детей, — лениво бросила Мария, но глаза её блеснули. Глубоко внутри, в том месте, где живут наши тайные желания, она уже согласилась.

— Нам уже девятнадцать, а Марии через пару месяцев стукнет, — усмехнулась Лиза и повернулась к Джессике. —

Ты первая.

Джессика допила вино одним глотком. Жидкость была тёплой и сладкой, как первое обещание любви. По горлу пробежала ленивая волна тепла — вино несло с собой ту особенную, обманчивую ясность, которая заставляет нас верить, что мы бессмертны.

— Действие, — сказала она. Голос дрогнул — самую малость, на какой-то четверти тона, но этого было достаточно, чтобы выдать её волнение. — Я не боюсь.

И тогда Лиза оглядела зал. Её взгляд скользил по лицам, по бутылкам, по теням — и вдруг остановился. Замер, как стрелка компаса, нашедшая север.

Столик №15.

Он стоял в самом дальнем углу, за колонной, в тени, куда не доставал свет даже самых длинных ламп. Его покрывала скатерть — бархатная, бордовая, цвета запёкшейся крови и старых театральных портьер. Скатерть свисала до самого пола, скрывая пространство под столом, как занавес скрывает сцену до начала спектакля. Она была пыльной, выцветшей по краям, с тёмными пятнами. Под этой скатертью можно было спрятать стыд. Или девушку. Или целую жизнь.

— Действие, значит, — протянула Лиза, и её улыбка стала масляной, скользкой, как разлитое по столу вино. — Ты залезешь под столик №15. И сделаешь минет первому мужчине, который за него сядет.

Мария тихо свистнула — звук, похожий на выдох удивле-

ния и восхищения одновременно.

Джессика замерла. На секунду — всего на одну — она почувствовала укол где-то под сердцем. Это было то самое чувство, которое мы называем страхом, но на самом деле это лишь предвкушение. Вино ударило по нему, смягчило, завернуло во что-то тёплое и мутное. Оно смыло стыд, как вода смывает грязь, — не до конца, но достаточно, чтобы перестать её замечать.

— Идёт, — сказала Джессика и улыбнулась. У неё были очень белые, очень ровные зубы — зубы девочки из хорошей семьи, которая чистит их дважды в день и никогда не пропускает визит к дантисту.

Она встала. Поправила подол — платье задралось ещё выше, открыв полоску бедра с тонкой голубой жилкой под кожей. Лиза и Мария смотрели ей вслед, как смотрят на человека, который пообещал прыгнуть с обрыва и вернуться обратно.

Подойти к столику №15 было как войти в другую реальность. Воздух здесь был плотнее, темнее, он пах пылью и старыми сигаретами. И ещё чем-то, чему Джессика не могла найти названия, — может быть, временем. Она опустилась на колени. Ковёр был жёстким. Потом — на четвереньки. Руки дрожали, но не от страха — от той странной, почти музыкальной вибрации, которая охватывает тело перед прыжком. Она поднырнула под скатерть, и бордовый бархат сомкнулся за ней, как занавес.

Внутри было темно. Душно. Пыльно. Пахло старой тканью, чужими ногами и чем-то кисловатым — может быть, пролитым виски. Свет просачивался сквозь ткань, окрашивая всё в красноватый, утробный оттенок. Джессика сжалась в комок в центре. Её сердце колотилось — быстро, тяжело, с пульсом сто пятьдесят ударов в минуту. Она облизнула губы. Они были сухими, хотя вино всё ещё чувствовалось где-то на нёбе.

И тогда она услышала шаги.

Тяжёлые. Уверенные. Шаги мужчины, который знает, куда идёт, потому что ему нечего скрывать. Стук — это сдвинули стул. Скрежет — это его придвинули обратно. А потом — толчок, когда чужой вес продавил сиденье, и воздух под скатертью вдруг стал другим. Густым. Нагретым чужим телом. Пропитанным запахом дорогого одеколона — табак, кожа, что-то мужское, властное, не терпящее возражений.

Джессика не видела его лица. Только ноги — ботинки из грубой коричневой кожи, идеально начищенные, с тонкой шнуровкой. Носки, серые брюки, дорогая ткань. Ботинки стояли неподвижно, как два стража на пороге чужой тайны.

Она вытянула руку. Пальцы дрожали, но не от страха — от той удивительной, ледяной решимости, которую вино дарит только молодым дурам, уверенным, что им всё можно. Она нащупала ширинку. Металлическая молния была тёплой от тела — чужого тела, которое ещё не знало, что сейчас про-

изойдёт. Пальцы — непослушные, впервые делающие это — потянули вниз.

Мужчина не шелохнулся. Даже не спросил, кто здесь. Он просто... позволил. И это молчаливое разрешение, это абсолютное, царственное приятие услуги, которую он не просил, но и не отверг, было страшнее любого приказа. Это было соглашение без слов — контракт, подписанный тишиной.

Джессика действовала вслепую, как учили её грязные фантазии — те, что она прокручивала в голове по ночам, зарывшись лицом в подушку, уверенная, что никто не узнает. Она сделала это. Влажно. Неумело. Отчаянно. Как бросаются в ледяную воду, зная, что назад пути нет, потому что вода уже сомкнулась над головой. Она чувствовала его молчание сверху — тяжёлое, как плита, — его абсолютную неподвижность. И это подхлёстывало её сильнее любой похвалы, сильнее любого стога.

Когда всё закончилось, мужчина встал. Ни слова. Ни взгляда. Только звук застёгиваемой молнии — короткий, резкий, окончательный, — шорох брюк и удаляющиеся шаги. Тяжёлые. Уверенные. К выходу.

Джессика сидела под столом, прижав ладонь ко рту. Во рту был странный привкус — соли и чужой жизни, вкус, который она никогда раньше не знала и который теперь не забудет никогда. Она ждала, когда перестанет дрожать. Не дождалась.

Она высунула голову из-под скатерти — сначала осторож-

но, как зверёк, проверяющий, нет ли хищника, потом резко, как выныривают из воды, боясь утонуть.

Мужчина — в серых брюках, коричневых ботинках, с гладко зачёсанными седыми волосами, блеснувшими в свете лампы, как полированное серебро, — застёгивал на ходу пиджак. Широкие плечи, прямая спина человека, привыкшего командовать. Он шёл к двери и не оглянулся. Ни на секунду. Ни на мгновение. Дверь открылась, впустив полосу вечернего света — оранжевого, почти нереального после темноты бара. Звякнул колокольчик. И дверь закрылась.

Джессика опустила голову на колени. И засмеялась. Тихо. Надрывно. С солью по щекам. Смехом, который пахнет вином и свободой — той особенной, горькой свободой, которая приходит, когда теряешь что-то, о чём даже не знал, что оно у тебя было.

А за столиком у окна Лиза и Мария допивали вино и ждали, когда она расскажет им эту историю.

Я отправил текст и откинулся в кресле. Свеча почти догорела. Тени на стенах замерли, ожидая приговора. Три зелёные точки в чате замигали — они печатали.

Оксана: Дим, я аж заёрзала на стуле, пока читала! Понимаешь, самое страшное здесь не сам факт минета под столом — а то, что он даже не посмотрел. Он мог бы заглянуть, спросить, дёрнуться. Но он принял это как должное. Как услу-

гу. И вот это — жестокость чистой воды. Если честно, я бы на месте Джессики не засмеялась. Я бы даже не смогла оказаться на её месте. Я бы сползла по стене и долго смотрела в потолок. Но ты молодец — ты показал, как вино и молодость снимают все тормоза. Только одно «но»: у такой сцены должно быть продолжение.

Моника: Дмитрий, я оценила. Но позволь мне быть честной. Как разведённая женщина, которая знает цену и вину, и мужскому молчанию. Стилль Брасса — это ведь всегда чуточку кринжа? Той сладкой неловкости, когда зритель отводит глаза, но смотрит из-под ресниц. У тебя получилось. Но я бы сделала иначе: я бы дала ему хотя бы паузу у двери. Запелательство. Он ведь узнал её? Или нет? Вот этот момент — он узнал и ушёл — это и есть настоящая пощёчина. Джессика смеётся от истерики, а не от радости. И это правильно. Но если ты хочешь моего личного мнения — мне не хватило гнева. Хотя бы искры. Или наоборот — нежности, с которой он мог бы поправить ей волосы, уже выходя. Но нет. Ты выбрал холод. Я пока остаюсь, меня заинтриговало.

Клэр: О, Дим! Вот это поворот! Я прямо вижу эту скатерть — бордовую, как засохшая кровь. И знаешь, что мне понравилось больше всего? Что ты не стал делать из этого трагедию. И твоя Джессика смеётся — сквозь слёзы, но смеётся. Это очень по-американски, кстати. У нас в Оклахоме такие истории рассказывают на вечеринках через двадцать лет, под текилу, и все хохочут до колик. Потому что стыд — это про-

сто ещё одна эмоция, которую можно съесть на завтрак с беконом. Но вот что я скажу как уроженка Среднего Запада: ты забыл про ещё одну девушку. Ту, что сидит за столиком и видит всё. Официантку. Или бармена. Сделай нам крупный план её лица — удивлённого, с накрашенными губами, которые медленно складываются в улыбку. Она тоже знает. И она никому не скажет. Это был бы идеальный финальный кадр. Когда все в сговоре, а виноватых нет.

— Спасибо, девушки, — напечатал я. — Ваше мнение оказалось для меня неожиданным и очень полезным. Я честно не знал, как посмотреть на то, что я написал, со стороны. А получилось, что у меня теперь три разных взгляда! Ещё работать и работать. Я не ошибся, обратившись к вам. Спасибо ещё раз! Значит, работаем?

Моника: Работаем, Дмитрий. Серьёзно. Редко кто из мужчин умеет слушать и слышать. Ты, наверное, это сможешь.

Клэр: О, дорогой, да меня теперь и палкой не выгонишь отсюда))) У меня уже есть мысли о продолжении, и пусть читатель знает — если в тексте будет пахнуть жареным луком, виски и рыжими волосами — это я. Погнали творить грех во имя красоты.

Оксана: Ладно, договорились. Я, может, и не умею, как вы, красиво излагать, но буду делать всё, что могу, и даже больше. И, по крайней мере, я первая прочитаю, что у нас получится. А то вдруг не опубликуют такую-то срамоту))).

— Хорошо, — напечатал я, чувствуя, как сюжет уже пуль-

сирует где-то внутри меня, — давайте зададим нашу начальную позицию. Джессика прыгнула в кроличью нору. Лиза и Мария знают, что она это сделала. Официант всё видел, но за двадцатку не помнит ничего. Следующий ход: Джессика будет готовить месть. Как думаете, это похоже на реальность?

Клэр: Ох, как всё сложно! Я предлагаю устроить месть по-оклахомски — с юмором и без слёз. Джессика не должна страдать. Она должна получать удовольствие от процесса. Клэр-стайл — моментально, и в точку.

Оксана: Дима, да! Мечь — это то, что превращает историю из просто провокации в настоящее полотно. Брасс всегда любил женщин, которые не плачут в углу, а берут ситуацию за рога. Джессика — смелая, отчаянная — она просто обязана мстить. Но тут важный нюанс: она не будет кричать и бросаться с кулаками. Её месть должна быть такой же тихой, как тот самый минет под столом. Изысканной. И абсолютно сокрушительной. Но как? Я уже прокручиваю варианты. Давайте вместе.

И тут чат взорвался.

Моника: Подождите. Я, кажется, одна вижу проблему? Мы задумали историю о женщинах. О власти, о стыде, о том, как вино смывает тормоза. А теперь мы превращаем её в банальный триллер про то, как одна обиженная девочка мстит двум другим. Это не Брасс. Брасс не наказывал своих героинь — он ими любовался, даже когда они падали. Джессика сейчас выглядит не как женщина, познавшая свободу, а как

бухгалтер, сводящий счёты.

Клэр: Моника, ты слишком серьёзна! Месть — это же весело! Вспомни «Девять с половиной недель» — там тоже всё строилось на том, что один провоцирует другого. Джессика просто... режиссёр. Она ставит сцену. Как и мы.

Моника: Режиссёр, который мстит, — это уже не режиссёр, а прокурор. Оксана имеет в виду, что Джессика мстит, потому что её предали. А Джессику никто не предавал — она сама выбрала действие.

Оксана: Вообще-то предали. Лиза и Мария втянули её в игру, они назначили столик, они выбрали формат. Джессика согласилась — но под давлением. Под вином. Под обстоятельствами. Это как дать пьяному ключи от машины, а потом сказать: «Ты сам сел за руль». Формально — да. А по сути — тебя подставили.

Моника: Это красивая метафора, Оксана, но жизнь — не суд. Никто не заставлял Джессику допивать бокал до дна и лезть под стол. Она сделала это, потому что хотела. Потому что ей было любопытно. Потому что — и вот это самое интересное — в ней уже жил этот порыв, а Лиза с Марией его просто разбудили. И теперь она мстит им за то, что они показали ей, кто она такая на самом деле. Вот где трагедия. А мечь подругам — это попытка переложить ответственность.

Клэр: Ого. Моника, ты сейчас описала мою первую любовь. Серьёзно. Я встречалась с парнем, который убедил меня, что я — дикая, а потом сам испугался моей дикости

и сбежал. И я его ненавидела. Но через пять лет поняла: он просто открыл дверь, а вошла я сама. Может, Джессика должна прийти к этому же? Не мстить, а принять?

Моника: Вот! Принять! В этом вся соль. Джессика под столом — это момент её инициации. Она не потеряла невинность в пошлом смысле, она потеряла иллюзию о себе как о «хорошей девочке». И теперь у неё два пути: либо уничтожить тех, кто стал свидетелем её падения, либо принять свою новую природу.

Оксана: Я слышу вас, правда. Но вы обе говорите о финале, а я — о процессе. Джессике восемнадцать. Она не может в восемнадцать лет взять и принять. Это путь. Сначала она попробует мечь. Попробует переложить вину. И только когда это не сработает — вот тогда, может быть, она придёт к тому, о чём вы говорите. Но если мы сразу сделаем её мудрой, это будет фальшиво.

Моника: (длинная пауза) Знаешь, Оксана... да. Пожалуй, да. В восемнадцать я бы тоже мстила.

Клэр: А я бы мстила и в тридцать пять, если честно. Просто теперь я делаю это с улыбкой.

Моника: Хорошо. Убедили. Мечь будет. Пусть Джессика организует всё идеально, а в финале поймёт, что пустота внутри никуда не делась. Что Лиза и Мария, пройдя через то же самое, не сломались — а она сломалась ещё тогда, под столом. И мечь не склеила осколки обратно.

Оксана: Согласна. Мечь как тупик, а не как освобождение.

ние.

Клэр: И на руинах этой мести мы построим что-то другое. Может, даже дружбу. Настоящую. Не на вине и браваре, а на общей тайне.

Моника: Вот теперь я в деле. Джессика начинает мстить, думая, что это освободит её. А мы знаем, что не освободит. И читатель будет это чувствовать с первой строки.

Я читал их реплики, допивая остатки остывшего чая. За окном сгущалась ночь — та особенная, летняя, когда темнота не давит, а обволакивает, как тёплый шёлк.

— Джессика уже переступила горизонт событий, — напечатал я, тщательно подбирая слова. — Обратного пути нет. Мстить она будет Лизе и Марии, считая, что втягивание её в эту игру и сбросило её в пропасть. И мстить, я думаю, она захочет так, чтобы Лиза и Мария сделали то же самое, что и она. Повторили её падение.

Моника: Джессика не будет кричать им в лицо. Она будет улыбаться и подыгрывать. Она станет самой весёлой девушкой в компании — чуть более пьяной, чуть более развязной, чуть более настойчивой в идее «повторить игру». И когда Лиза с Марией, ослеплённые адреналином и вином, полезут под стол — Джессика будет сидеть рядом за столиком, потягивать вино и ждать. Ждать того момента, когда они вылезут обратно — с круглыми глазами, с помадой на зубах, с комком в горле. И тогда она просто скажет: «Теперь мы квиты». Без злости. Без торжества. Это будет месть в стиле Джессики

— холодная, как тот самый пол под скатертью.

Оксана: Это жестоко. Это настолько жестоко, что у меня нет слов. Но я понимаю логику. Джессика не может наказать мужчину — он не виноват. Она не может наказать себя — потому что тогда придётся признать, что она сама выбрала этот путь. Значит, виноваты те, кто толкнул. Лиза и Мария. Они сказали «действие». Они выбрали столик. Они придумали правило. Джессика теперь будет платить им той же монетой — только в два раза крупнее. Заставить их повторить её судьбу. Она хочет, чтобы они почувствовали то же самое — ужас, стыд и этот дурацкий смех, когда уже поздно что-то менять. Я бы сама так не смогла. Но героиня Брасса смогла бы. Давай развивать.

Клэр: Потому что это честно по отношению к персонажу. Джессика не мстит незнакомцу — она его, по сути, даже не винит. Она винит подруг за то, что они открыли дверь, в которую она вошла по собственной воле. И теперь она хочет, чтобы они сами выбрали войти в ту же дверь. Без принуждения. Без угроз. Просто — создаст обстоятельства, нальёт вина, подкинёт идею. А они — взрослые девочки — согласятся. Потому что им тоже любопытно. Потому что вино сладкое. Потому что в восемнадцать лет кажешься себе бессмертной. И вот когда они, счастливые и пьяные, вылезут из-под столов, Джессика не засмеётся. Она допьёт вино и уйдёт. А они останутся — с тем же чувством, которое она пережила. Только без неё. Это жестоко. Это красиво. Я вся в предвкушении.

За окном была глубокая ночь. Я отодвинул ноутбук и откинулся на стуле.

— Давайте на сегодня закруглимся, а? Пора всем отдохнуть и потом продолжим. Что мы сможем предложить Джессике завтра? Я спать, девушки. Спокойной ночи!

— Пока.

Я закрыл ноутбук, потянулся и побрёл в свою комнату, уже еле переставляя ноги. Уснуть? И видеть сны.

Глава 2

Собраться заново вместе мы смогли лишь через три дня. За это время все успели немного подумать над текстом дальше. После всех приветов и общих фраз о погоде началось обсуждение.

Клэр: Ну, какие мысли у вас появились? Я лично думала все эти дни о том, что мы уже наработали. Я думаю, надо написать подготовку Джессики к её плану. Но я за это не возьмусь. Я планы не очень строю. Иначе в Белом доме бы уже сидела))

— Моника, — напечатал я, — я надеюсь, ты, как столичная штучка, много знаешь о коварной мести. Сделай нам подготовку Джессики. Как она задумала, как принялась готовить почву. Я тоже не возьмусь — тут нужна женская психология.

Оксана: Я тоже думаю, что Моника лучше напишет. Она аналитик, это её стихия. Я ещё не готова к такой большой

сцене.

— Отлично! Моника, ты возьмёшься? Сколько времени понадобится?

— Мне нужно пару дней, я уже думала над текстом, осталось только оформить.

— Ок, как всё сделаешь, скидывай сразу. Мы, как сможем, всё прочитаем, потом сделаем общий сбор и обсудим.

Текст появился уже на следующее утро. Моника действительно серьёзно подошла к этому вопросу. Настоящий профессионал.

«Подготовка. Дневник Джессики»

День первый. Тишина.

Джессика не говорит ничего. Ни Лизе, ни Марии. Молчание её было особенным — не то молчание, что бывает от шока, а другое, глубокое, как вода в старом колодце.

Она сидит за завтраком с родителями. Утро лилось в окна их старого фермерского дома — жёлтое, густое, как мёд. Стол был накрыт белой скатертью с вышитыми по краям васильками. Отец — седые волосы, белая рубашка, газета, развёрнутая на биржевых сводках. Пахло кофе, свежим хлебом, малиновым вареньем — всеми теми запахами, из которых состоит детство и которые однажды утром вдруг становятся чужими.

Он поднимает глаза на секунду, спрашивает: «Как учё-

ба?»

Она отвечает: «Нормально». И улыбается. Самой обычной, дочерней улыбкой — уголки губ вверх, лёгкий прищур карих глаз. Ни намёка. Но под столом, там, где никто не видит, её пальцы сжимают салфетку в кулак — медленно, неумолимо, как хищник сжимает добычу.

Крупно: её глаза. В них — счётчик. Она запустила таймер.

День третий. Сбор информации.

Джессика приходит в бар «У Кровавого Джо» одна. Дневной свет в баре был серым и жидким, он просачивался сквозь немытые окна и ложился на пыльный пол бледными заплатами. Садится не за столик №15 — его избегает теперь, как могилу, в которую однажды заглянула. Заказывает лёгкое вино, которое не пьёт. Бокал стоит перед ней, как безмолвный свидетель, и в его рубиновой глубине играет пыльный солнечный луч.

Она высматривает официанта. Того самого. Мужчина лет пятидесяти, с усталыми глазами и редкими волосами, зачёсанными набок. Глаза у него были цвета выцветшего денима, а руки — большие, узловатые, привыкшие к любой работе. Она помнит, как он проходил мимо, пока она была под скатертью. Как задержался на секунду. Как опустил глаза — не от стыда, а от профессионального такта, с которым официанты учатся не видеть того, что не предназначено для их глаз.

Она подзывает его лёгким движением пальца.

— Помнишь меня? — спрашивает тихо, почти шёпотом.

Он молчит. Потом кивает. Один раз. Движение короткое, как удар пульса.

Джессика кладёт на стол двадцатку. Свежую, хрустящую, только что из банкомата. Бумажка пахнет типографской краской и чужими руками.

— А теперь не помнишь.

Он забирает деньги. Движение плавное, профессиональное — так забирают чаевые, так забирают секреты. Уходит. И с этого момента — никогда не было.

Крупно: её пальцы, глядящие край купюры перед тем, как отпустить. Она только что купила молчание. Это первая победа.

День пятый. Почва.

Она приглашает Лизу и Марию к себе домой. Родителей нет — отец на работе до вечера, мать на собрании книжного клуба. Дом был старый, деревянный, с поскрипывающими половицами и запахом сушёных яблок на кухне. Джессика разливает вино. То самое, вишнёвое. Говорит, что соскучилась. Голос её был лёгок, как тополиный пух.

— Та история со столиком... — начинает Лиза, ухмыляясь. Она сидит на диване, закинув ногу на ногу в грубых армейских ботинках. — Ты так и не рассказала, кто это был.

— Никто, я не знаю его, — пожимает плечами Джессика. — Просто мужчина. Ушёл, даже не оглянулся.

Она говорит спокойно, легко дышит. Мария смотрит с лю-

бопытством из своего угла — она всегда выбирает углы, всегда наблюдает со стороны. Лиза — с лёгкой завистью: в её глазах мелькает что-то хищное, оценивающее.

— А ты бы смогла? — спрашивает Джессика небрежно, подливая вина. Жидкость льётся ровно, до краёв, ни капли мимо.

Лиза фыркает:

— Да легко.

Мария молчит. Но глаза её блестят. Джессика замечает это — замечает всё.

Крупно: бутылка в её руке. Вино льётся ровно, до краёв. Она переигрывает обеих — не напором, а терпением.

День седьмой. Сценарий.

Джессика пишет план. Не на бумаге — в голове. Комната её была маленькой, но уютной: плакаты старых фильмов на стенах, стопка книг у кровати, ночник в форме луны. Она сидит у окна, смотрит на лужайку перед домом, и в голове её сценарий собирается, как пазл. Она не торопится. Она ждёт идеального вечера. Когда Лиза и Мария будут свободны. Когда вино в крови заиграет так же, как тогда.

Она даже выбирает столики. Для Лизы — тот самый, №15, под которым всё ещё, наверное, дрожит тень её собственного падения. Для Марии — другой, в баре «Старый маяк», с такой же длинной скатертью, но другим запахом — там пахнет виски и старыми сигарами, а не беконом.

День десятый. Западня.

Джессика звонит Лизе. Прижимает трубку к уху, чувствуя, как пластик нагревается от её щеки.

— Давай повторим. В эту пятницу. Только теперь вы вдвоём. Я буду просто наблюдать. Хочу посмотреть, как вы справитесь.

Лиза смеётся в трубку — смех её был резким, как лай:

— Ты прям режиссёр.

— А ты трусиха? — тихо спрашивает Джессика.

Пауза. Длинная, как выдох перед прыжком. Потом:

— Идёт.

Марии она пишет сообщение. Палец замирает над экраном на секунду — и нажимает «отправить»: «Лиза согласилась. Пятница. Приходи».

Мария отвечает смайликом. Она всегда была тихой — и потому самой опасной.

Джессика отключает телефон. Смотрит в зеркало. Из глубины амальгамы на неё глядит всё та же блондинка с карими глазами. Но в глубине зрачков — что-то твёрдое, как сталь, что-то, чего раньше не было.

День двенадцатый. Канун.

Отец Джессики за ужином спрашивает:

— Ты в последнее время какая-то... задумчивая.

Она поднимает глаза, улыбается. И впервые за две недели говорит правду:

— Просто думаю о подругах, папа. О том, как мы похожи. Он не понимает. Конечно, не понимает. Мужчины редко

понимают такие вещи. Он кивает, возвращается к своему ступу.

Она доликает ему чай. Вишнёвые губы смыкаются на краешке чашки.

Завтра — пятница. Завтра — игра.

Крупно: её пальцы, глядящие край стола.

— Спокойной ночи, папа, — говорит она.

Он кивает. Уходит в гостиную, к своему креслу, к своему телевизору. А Джессика остаётся на кухне и тихо, едва слышно смеётся.

Это смех человека, который уже пересёк горизонт событий. Обратного пути нет ни у кого.

Клэр: Моника, ты коварная женщина, и я снимаю перед тобой шляпу. Но, как уроженка Оклахомы, я должна добавить ложку мёда в эту бочку дёгтя. В плане Джессики всё слишком гладко. Слишком идеально. А где хаос? Где та самая случайность, которая всё переворачивает с ног на голову? Я предлагаю в рассказе оставить лазейку для судьбы. Например — что у Марии перед самым вторником сломается каблук, и она будет в плохом настроении, и скатерть зацепится за пряжку. Маленькая деталь, которая добавит перцу. Чтобы в момент, когда всё идёт по плану, вдруг случилось непредвиденное. Я обожаю такие моменты — когда героиня планирует мечь, а жизнь планирует своё. Добавь чуточку

живого джаза в эту симфонию. А так — да, всё супер! Моника, продолжай. Я буду наблюдать из угла с попкорном. И если что — внесу хаос в самый нужный момент.

Оксана: Моника — богиня. Я сижу и чувствую, как у меня внутри всё кипит от восторга и ужаса одновременно. У меня есть только одно замечание, но оно важное. Моника написала план, но мне в нём не хватает запахов. Рассказ без запахов — как вино без аромата. Джессика готовит ловушку — но чем пахнет её комната, когда она пишет сценарий? Чем пахнет бар, когда она подкупает официанта? Чем пахнет вино, которое она льёт подругам? Я бы добавила: запах мужского одеколona, который остался на салфетке под столом и который она вдыхает перед сном, чтобы не забыть, зачем всё это. Этот запах — её якорь. Её топливо. Без него месть станет абстракцией. С ним — она превращается в плоть. А так — продолжай, Моника. Я не правлю, я дополняю. Твой курс — идеальный.

Моника: Девушки, я вас слышу. Оксана — запахи будут. Обещаю. Без них Брасс — не Брасс. Клэр — хаос будет. Я добавлю трещину в идеальном плане. И когда Джессика подумает, что всё идёт как по маслу — жизнь покажет ей дулю. Потому что месть никогда не бывает чистой. И это делает её живой. Дим? Ты добавляешь что-нибудь? Я пишу следующую сцену — саму игру. С крупными планами, запахами, неожиданностями и постараюсь с напряжением, от которого хочется закурить, даже если не куришь.

— Давай, Моника, — напечатал я. — Мне нечего добавить, я согласен со всеми вами.

«Игра. Пятница. Бар "У Кровавого Джо"»

21:47. Золотой час перед катастрофой.

Крупно: бокал вишнёвого вина.

Пальцы Джессики обхватывают ножку бокала — тонкую, хрупкую, как косточка колибри. Ногти её были покрыты прозрачным лаком — никакого цвета, никакого вызова, но в этом и был вызов. Она не пьёт. Вино — реквизит. Она ждёт.

Бар «У Кровавого Джо» вечером был другим. Лампы под зелёными абажурами горели ярче, скатерти казались темнее, воздух — гуще. Пахло жареным беконом, сладким вином и тем особым запахом, который бывает только в местах, где люди теряют свою обычную жизнь и находят другую.

Рядом — Лиза и Мария. Лиза в чёрной кожаной куртке, надетой на голое тело. Грудь её была открыта — две острые, нахальные вершинки, не боящиеся ничьих взглядов. Губы покрашены тёмной вишней — цвет, специально выбранный, чтобы блестел при тусклом свете и оставлял следы на бокалах, на сигаретах, на чужой коже. Мария в простом сером свитере, но под ним — кружево, чёрное, испанское, которое видно, только если знаешь, куда смотреть. Джессика знает. Она всё про них знает.

— Ну что, — Лиза откидывается на спинку стула, улыба-

ется нагло, с вызовом. Куртка её скрипнула — этот звук был похож на вздох. — Мы готовы. Только теперь ты смотришь. А мы работаем.

— Я только смотрю, — кивает Джессика. Голос ровный, как натянутая струна. Ни вибрации. Ни дрожи.

Мария молчит. Она всегда молчит перед прыжком.

21:52. Вход.

Джессика видит первого. Мужчина — высокий, седеющий, с грубыми чертами лица, в дорогом пальто, которое он снимает на ходу. Он входит в бар не один. Рядом — второй мужчина. Чуть моложе, шире в плечах, с короткой стрижкой и золотым перстнем на мизинце. Друг. Коллега. Свидетель. Перстень блеснул в свете ламп, как чей-то подмигивающий глаз.

Джессика чувствует, как в груди вспыхивает холодное удовольствие. Друг — это зритель. Это удвоение стыда.

Она смотрит на Лизу. Та ещё не видит — занята своим отражением в ложке. Ложка искажала её черты, растягивала губы в уродливую гримасу, но Лиза этого не замечала.

— Лиза, — тихо говорит Джессика. — Твой столик. В углу. Скатерть в пол.

Она показывает взглядом. Тот самый №15. Та же бордовая пыльная скатерть. Та же тень, тот же запах старого ковра и чужих тайн. Скатерть чуть колыхалась — может быть, от сквозняка, а может быть, от дыхания чьих-то призраков.

Лиза усмехается. Встаёт. Поправляет куртку.

— Смотрите, девочки. Учитесь.

Она идёт к углу, слегка покачивая бёдрами. Джессика провожает её взглядом.

Лиза ныряет под скатерть за минуту до того, как мужчины сделают заказ и сядут за столик. Движение быстрое, отработанное — она словно всю жизнь только и делала, что ныряла под чужие столы.

Крупно: её ноги в грубых армейских ботинках исчезают под бордовым бархатом. Последнее, что видно, — блестящий мысок, царапающий пол, и тонкая щиколотка, обтянутая чёрным чулком.

21:59. Под столом.

Под столом — темнота, пыль и запах чужого пота, оставшийся от Джессики. Она прижимается спиной к холодной стенке. Сердце колотится — не от страха, от адреналина. Ей девятнадцать, она бессмертна, она смотрела «Секс в большом городе» и думает, что всё знает.

Крупно: её пальцы — с чёрным лаком, короткими ногтями — сжимают колено в ожидании. Лак местами облупился — следы нервного покусывания.

22:06. Процесс. Крупные планы.

Его рука — тяжёлая, с тёмными волосками, лежит на колене. Пальцы нервно барабают по ткани брюк — он ещё не понимает, что сейчас произойдёт, но тело его уже знает.

Её пальцы — нащупывают молнию. Дёргают. Металл поддаётся со скрежетом, который слышен только им двоим.

Взгляд Лизы в темноте — расширенные зрачки, блеск азарта. Она не видит лица. Она не хочет видеть. Тень мужчины — всё, что нужно.

Его плоть освобождается из брюк. Твёрдая, с тёмной пульсирующей головкой. На коже — тонкая сетка вен. Одна вздутая, синеватая, бьющаяся в своём ритме, не совпадающем с ритмом сердца.

Её губы — вишнёвые, влажные — раскрываются. Кончик языка касается головки. Соль. Кожа. Запах мужского мыла и ещё чего-то, что не смывается мылом. Она берёт глубже — и давится. Спазм горла, слёзы на глазах, но она не останавливается.

Никто не слышит её всхлипа. Музыка в баре громкая — старая кантри-песня, от которой хочется плакать и смеяться одновременно.

22:09. Друг.

Крупно: друг сидит рядом. Он не знает, что происходит под столом. Он поднимает бокал, чокается с пустотой — потому что его приятель молчит, откинувшись на спинку стула, сжимая подлокотники так, что костяшки побелели.

Друг ухмыляется:

— Ты какой-то напряжённый. Расслабься.

Мужчина не отвечает. Его пальцы сжимают подлокотник — побелевшие костяшки, вздутые вены на тыльной стороне ладони.

Лиза работает быстро — не от мастерства, от адренали-

на. Её челюсть ноет тупой, нарастающей болью. Слюна течёт по подбородку — тёплая, смешанная с вишнёвой помадой. Она не останавливается. Она чувствует, как он напрягается — всем телом, как натянутая струна.

Крупно: её горло, когда она глотает. Мышцы шеи двигаются волной — раз, два, три. Она не пролила ни капли. Она гордится собой.

Мужчина замирает на секунду. Потом встаёт. Молния застёгивается — резкий звук, похожий на выстрел.

22:12. Под столом. Второй раунд.

Крупно: его ботинки — на размер больше, с золотой пряжкой.

Лиза колеблется секунду. Но Лиза — не трусиха. Она тянется к ширинке. Расстёгивает. Он даже не вздрагивает — минет в баре, под скатертью, что может быть естественней?

Крупно: плоть второго — толще, длиннее, с тёмной головкой и запахом пота и табака. Лиза сжимает челюсть — приготовилась к трудностям. Она берёт. Глубже. Ещё глубже. Давится — но не останавливается. Слюна течёт по подбородку, помада размазалась до ушей, но она работает, как машина, — ритмично, неумело, отчаянно.

Крупно: её глаза в темноте — красные, воспалённые, с подтёками туши. Она хочет закончить. Она почти ненавидит Джессику за это испытание. Но она не останавливается.

Второй кончает быстрее. Она глотает, давится, кашляет — и закрывает рот ладонью, чтобы не было слышно.

Мужчины встают. Уходят. Бросают на стол смятые купюры — не зная, что платят не только за виски, но и за то, что только что произошло под скатертью.

22:15. Выход.

Лиза выползает из-под скатерти — грязная, мокрая, с размазанной помадой до самых скул. Волосы висят сосульками, слипшиеся от пота. Коленки красные, содранные об ковёр, — шрамы, которые будут заживать неделю. Она садится за столик к девушкам, хватая бокал вина и залпом пьёт. Вино течёт по подбородку, смешиваясь с остатками помады и чужим вкусом.

— Два, — выдыхает она с гордостью и отвращением одновременно. Голос её охрип, словно она кричала, хотя она не кричала. — Я сделала двух.

— Я знаю, — улыбается Джессика. Улыбка её была тонкой, как лезвие. — Я считала.

Мария смотрит на Лизу с уважением и лёгким ужасом. В её тёмных глазах — что-то, чего она сама ещё не понимает.

А Джессика смотрит поверх их голов — на дверь, в которую выходят оба мужчины. Они уходят вместе, хлопая друг друга по спинам, смеясь чему-то. Лиза не видит их. Не оглядывается.

22:17. Крупно: Джессика поворачивается к Марии.

Голос её — мягкий, как масло на горячем хлебе.

— Мария. Твой выход. Завтра. Бар «Старый маяк».

Мария поднимает глаза. В них — любопытство и страх,

смешанные в равных долях.

— Я сделаю это, — говорит она наконец. — Но если ты что-то задумала...

— Я не задумала, — перебивает Джессика. — Там такой же столик. Скатерть в пол. Ты залезешь — и сделаешь. А потом вылезешь и поблагодаришь меня.

Она улыбается. Белые зубы. Ледяные глаза, покрывшиеся инеем. Джессика поднимает бокал — всё ещё полный, всё ещё нетронутый.

— За игру, — говорит она.

Они чокаются. Звон стекла, похожий на звон разбитого обещания. А Джессика не пьёт. Она никогда не пьёт в этой игре. Она — режиссёр. У режиссёра должна быть ясная голова.

«Суббота. Бар "Старый маяк"»

Мария готова. С самого начала.

22:00.

Бар «Старый маяк» был другим — меньше, темнее, интимнее. Он пах виски и старыми сигарами, а ещё — морем, хотя море было в трёх милях отсюда. Стены, обшитые тёмным деревом, впитывали звуки, делали их глуше, интимнее. Лампы здесь были не зелёные, а янтарные — их свет ложился на лица, как старая фотография.

Мария пришла с Джессикой. Лиза осталась дома — об-

рабатьывать содранные коленки. Джессика выбрала столик в углу. Сказала:

— Вон там, в глубине. Столик с красной скатертью в пол. Твой мужчина уже там. Сидит один. Под стол можно залезть незаметно, со стороны барной стойки. Я проверяла сама. Сделаешь — и мы уходим.

Мария смотрит на столик. И видит ботинки. Коричневые, с тонкой шнуровкой и поношенным каблуком, начищенные, но старые — такие ботинки носят годами, не желая расстаться с привычной вещью.

Мария замирает. Кровь отливает от лица — она чувствует это, как холодную волну, пробежавшую от макушки до пят.

— Что-то не так? — спрашивает Джессика, притворяясь, что не замечает. Голос её был бархатным, обволакивающим.

— Нет, — отвечает Мария. Голос её твёрд, как сталь. — Всё правильно.

Она не говорит Джессике, что узнала мужчину. Это старый друг отца — она помнит его с детства, помнит его смех на семейных пикниках, его руки, подбрасывавшие её в воздух, когда ей было пять. Она думает: Джессика не знает. Для Джессики это просто случайный мужчина. Игра есть игра. Но Мария знает.

Крупно: её глаза. В них — бездна. Ужас, стыд и — странное, запретное, как плод с запретного дерева — любопытство.

Она не может отказаться. Если она откажется, Лиза и

Джессика будут смеяться. Назовут трусихой. Сплетня разойдётся по всему кампусу, как круги по воде от брошенного камня. Мария — гордая. Мария не проигрывает.

Она идёт к столику. Каждый шаг отдаётся в груди тяжёлым ударом. Садится на колени. Ковёр здесь был другим — более жёстким, пахнущим табаком и временем. Ныряет под скатерть. Красный бархат смыкается за ней, как вода над головой утопленницы.

22:07.

Под столом темно. Пахнет кожей, мастикой для обуви и тем особым запахом, который бывает только у мужчин, проживших долгую жизнь, — табак, пот, старый диван, одеколон, нанесённый утром и почти выветрившийся к вечеру. Мария зажимает рот рукой, чтобы не закричать. Или не засмеяться. Она сама не понимает, что чувствует.

Он не видит её. Не знает.

Она протягивает руку к ширинке.

Крупно: её пальцы — смуглые, длинные, с идеальным маникюром — расстёгивают молнию.

Она делает это медленно, как будто в трансе. Как будто смотрит на себя со стороны — девушка под столом, незнакомец сверху, и ни один из них не может остановиться.

Крупно: она никогда не видела его раньше, только на снимках, — и теперь запомнит навсегда. Форма, запах, пульсирующая вена с левой стороны.

Крупно: её губы — бледные, дрожащие — раскрываются.

Она не хочет. Но она делает. Медленно. С отвращением. С закрытыми глазами. Она думает о чём угодно — о фильмах, об учёбе, о том, что завтра будет дождь и она пойдёт в библиотеку. Лишь бы не думать о том, чей член у неё во рту.

Мужчина молчит. Он не знает. Он принимает услугу как должное — как случайную удачу в пьяном баре, как чудо, о котором не спрашивают.

Крупно: её горло — когда она глотает. Не проронив ни звука.

22:14.

Она вылезает из-под скатерти. Ровно, спокойно, как будто только что вернулась из туалета. Вытирает губы тыльной стороной ладони. Садится за столик к Джессике. Движения её были механическими, как у куклы.

— Всё, — говорит она. Голос не дрожит. Ни одной ноты, ни одной фальши.

— Ты молодчина, — улыбается Джессика. — Пойдём.

Они выходят из бара. Ночь встретила их прохладой и запахом озона — где-то далеко собиралась гроза. Холодный ветер с набережной треплет волосы обеих, бросает пряди в лицо, как пощёчины. На улице Мария останавливается. Смотрит на Джессику в упор. Долго. Молча. Взгляд её был тяжёлым, как ртуть.

— За что? — шепчет Мария. Одно слово, но в нём — всё.

Джессика наклоняется к самому её уху. Говорит тихо, почти ласково:

— За то, что вы втянули меня в эту игру. Теперь мы все в одной луже. И назад дороги нет ни у кого.

Она отстраняется. Улыбается. Уходит, покачивая бёдрами, — силуэт, растворяющийся в ночи.

Мария стоит одна под фонарём. Свет его был жёлтым, мертвенным, и тень её лежала на асфальте — длинная, одинокая.

Крупно: её лицо. Глаза сухие. Губы сжаты. Она не заплачет. Никогда. Но она запомнит.

«Дома у Лизы. Пятница, ночь»

Лиза вошла в дом, чувствуя себя богиней.

Входная дверь закрылась за ней с мягким щелчком — звук, отделивший мир бара от мира дома. Кожаная куртка всё ещё пахла баром — табаком, вишнёвым вином и тем особым запахом, который она мысленно называла «моя победа». Два мужчины под одним столом. Два. Она справилась. Она сделала это лучше Джессики. Джессика может курить в сторонке.

В прихожей горел тусклый свет — одна лампочка под старым абажуром с бахромой. Пол был устлан ковром, истёртым до основы, но всё ещё хранящим следы её детских шагов. Из гостиной доносился голос матери — она напевала какую-то старую песню, кажется, «Американский пирог». Мелодия была грустной, но она напевала её весело, как человек,

научившийся жить с грустью.

— Привет, мам! — крикнула она, сбрасывая ботинки. Носки промокли от ночной росы, пальцы замёрзли.

— Привет, Лизонька, — донеслось из гостиной. Голос её был мягким, почти мурлыкающим. — Хороший вечер?

— Отличный, — ответила она, не вдаваясь в подробности. Слова были лёгкими, как пустые ракушки.

Она прошла наверх, по деревянной лестнице, скрипящей на третьей ступеньке — как всегда, с самого её детства. В ванной заперла дверь. Замок щёлкнул надёжно, отгораживая её от всего мира. Скинула платье — оно упало на пол мягкой кучей, пахнущее чужими мужчинами, и этот запах теперь казался ей добычей, трофеем. Стянула чулки — мокрые, грязные на коленях.

Крупно: её тело в зеркале. Молодое, упругое, с маленькой острой грудью и тонкой талией. На коленях — красные ссадины от ковра под столом. Она провела по ним пальцами, поморщилась от боли — и улыбнулась. Шрамы чести.

Она включила воду. Горячую, почти обжигающую. Пар наполнил ванную, затуманил зеркало, скрыв её отражение. Лиза встала под струю, закрыла глаза, откинула голову назад. Вода стекала по её лицу, по шее, между лопаток, по животу. Она смывала с себя бар — пыль, пот, чужую слюну. Но не смывала гордость.

Она сделала это. Она героиня.

Крупно: струйки воды, сбегающие по её груди. Капли за-

держиваются на сосках — розовых, напряжённых от горячей воды.

Она намылила мочалку, провела между ног — и вздрогнула от собственного прикосновения. Возбуждение, которое она копила под столом, всё ещё жило в ней, тугое, как пружина. Она не стала его трогать. Пусть подождёт.

Она выключила воду. Тишина обрушилась, как лавина.

На этом у меня всё. Честно, я как будто прожила эту историю, так она меня зацепила.

Глава 3

Клэр: О, Моника, дорогая! Ты знаешь, я — та самая рыжая бестия, которая всегда видит свет даже в самой тёмной ночи. И пока ты писала эту прекрасную, почти греческую трагедию о падении — я сидела в сторонке, грызла карандаш и думала: где момент, когда вся эта тяжесть вдруг превращается в фарс? Потому что Брасс — это не только крупные планы вен и содранных коленок. Брасс — это ещё и ирония. Это умение посмотреть на самую грязную ситуацию и вдруг засмеяться — не от цинизма, а оттого, что жизнь абсурдна, и единственное оружие против этого абсурда — не плакать, а хохотать до слёз.

Так вот, что бы я добавила? Официанта. Помните того парня с двадцаткой? Который всё видел и забыл за деньги? Я хочу, чтобы он появился снова. Не как свидетель, а как хранитель. В баре «У Кровавого Джо» он работает всё так же. И в один прекрасный вечер, когда в баре никого нет, он

подходит к столику №15, отодвигает стул, садится — и сам залезает под скатерть. Один. На минуту. И сидит там, в темноте и пыли. Вдыхает запах. Потом вылезает, отряхивает колени и говорит в пустоту: «Я видел здесь трёх ангелов. Они не знали, что творят. Но Бог их простил. А бармен нальёт им по бокалу за мой счёт в любой день».

Это я хочу добавить. Маленькую, почти сюрреалистическую сцену, где свидетель тайны возводит её в ранг мистерии. Без пафоса. Просто — человек, который помнит, но молчит. Как священник. Как старый друг.

Оксана: Подождите. Я перечитала сцену с Марией. Вы понимаете, что мы только что заставили девушку сделать миссис Митчел другу её отца? Человеку, который знает её с пяти лет. Это не игра. Это эмоциональное насилие.

Моника: Это была моя идея. И я настаиваю — это самый сильный момент во всей главе.

Оксана: Сильный — да. Но мы должны понимать последствия. Мария не может просто выйти из бара, выслушать Джессику и пойти домой. У неё внутри всё должно рухнуть. Она видела этого мужчину на семейных ужинах. Она называла его «дядей». И теперь...

Клэр: Именно поэтому она ничего не скажет Джессике. Ты права, Оксана. Это не просто стыд — это предательство на таком уровне, что его невозможно облечь в слова.

Моника: Я специально сделала так, что Мария узнала его, а Джессику — нет. Для Джессики это просто случайный

мужчина, инструмент мести. Она не знает, что сотворила с Марией. И в этом — её слепота. Её эгоизм.

Оксана: Тогда это должно аукнуться позже. Мария должна сломаться. Или наоборот — стать опаснее Джессики. Потому что человек, переживший такое, уже ничего не боится.

Клэр: Я за второй вариант. Мария — тёмная лошадка всей истории.

Моника: Договорились. Мария будет бомбой замедленного действия.

Оксана: А можно я тоже добавлю сцену? Про потом — когда все три девушки через месяц сядут в том же баре. За тем же столиком. Закажут то же вино. Никто ничего не скажет вслух. Но они будут знать. И вдруг — Джессика поднимает бокал и говорит: «А давайте сыграем ещё раз?» Пауза. Лиза и Мария смотрят на неё. Лиза усмехается, Мария опускает глаза. А потом — все трое начинают смеяться. Громко, по-настоящему, до слёз, до колик в животе. Весь бар оборачивается. Официант улыбается из угла. Они смеются над собой. Над своей глупостью. Над тем, что чуть не разрушили свои жизни, но не разрушили. Над тем, что тайна осталась тайной. Над тем, что жизнь — это фарс, и единственное, что можно с этим сделать — выпить вина и сказать: «Я — правда». И Джессика: «Я — действие». И Мария, поднимая голову с вызовом: «А я — та, кто знала и всё равно пошла». И Лиза, с вызовом, который она теперь носит как брошь на груди: «А я — та, кто не знала, но сделала. И мне плевать. Наливай».

Я откинулся в кресле. Экран ноутбука сейчас был единственным источником света.

— Девушки, — напечатал я. — У меня есть предложение. Оно не про книгу. Вернее, про книгу, но не только. Выслушайте до конца, прежде чем отвечать.

Клэр: Ого. Дим, ты меня пугаешь. Обычно так начинаются хреновые предложения.

— Мы работаем вместе уже долго. Не только над этой книгой, а вообще. Текст растёт, героини оживают, и я чувствую — нам тесно в чате. Понимаете? Живой разговор, обмен идеями в моменте, возможность спорить, глядя в глаза, а не в монитор — этого не хватает. Предлагаю нам встретиться. Сейчас начинается лето, сезон отпусков. Мы могли бы пару недель поработать бок о бок, лучше узнать друг друга. Можем на нейтральной территории, но я предлагаю свой дом. Я живу в уютном доме у озера. Здесь пять спален, камин, кухня, тишина. Места много. У каждого будет отдельная комната с замком. Днём отдых у озера и работа по вечерам в кабинете у камина.

Моника: (длинная пауза) Дмитрий. Ты понимаешь, как это звучит?

— Понимаю. Но я действительно думаю, что нам пора познакомиться. Не обязательно у меня, я могу приехать в любое место, куда договоримся.

Оксана: Блин, Дим, ты серьёзно? Я во Владике. Мне до вас как до Луны.

— Абсолютно серьёзно. Мой дом — это рабочая резиденция. Просто я верю, что лучшие вещи рождаются, когда люди сидят в одной комнате и смотрят друг на друга.

Клэр: Ну, знаете, я из Оклахомы. У нас тут если парень приглашает девушку «поработать над книгой» — это обычно значит, что книги у него нет. Но ты, Дим, прав. Ты действительно пишешь. И ты действительно нас слышишь. Я подумую.

Моника: Дмитрий, давай я буду прямой, как ты. Ты позвал трёх женщин писать эротическую драму в дом у озера. Я была замужем, я знаю мужчин. Ты можешь быть искренним сейчас, но кто поручится за то, что случится через неделю, когда мы все выпьем вина и будем обсуждать сцену минета под столом? Где граница между творчеством и соблазном?

— Моника, я не могу поручиться за то, чего не было. Но я могу пообещать: эту границу я переступать не буду. Это мой дом, и вы будете в нём гостями. Гость в моём понимании — это человек, которого защищают, а не используют.

Оксана: Я... я даже не знаю. Дим, мне восемнадцать. Родители меня просто не отпустят к незнакомому мужчине в другой город. Это вообще уголовно, кажется.

Моника: Это не уголовно, Оксана, тебе уже есть восемнадцать. Но родители — да, это проблема. Впрочем, решаемая. «Литературная стажировка», «писательский воркшоп», «летняя школа молодых авторов» — выбирай формулировку. Формально это почти правда.

Клэр: Моника, ты только что придумала алиби для Оксаны. Это значит, ты сама уже обдумываешь поездку.

Моника: Я всё обдумываю, Клэр. Это моя профессия — обдумывать. Дмитрий, ещё один вопрос. Почему мы все трое? Почему не по очереди? Пригласил бы сначала меня — я в Москве, это проще. Или Клэр — она далеко, но явно самостоятельна. Зачем собирать всех сразу?

— Потому что наша книга — это квартет. Если приедет кто-то один, мы будем работать вдвоём, а двое останутся за бортом. История развалится на «нашу» и «их» части. Я хочу, чтобы мы сели за один стол — вчетвером — и написали эту вещь так, как она того заслуживает. Все голоса равны. Все присутствуют.

Клэр: Чёрт. Это... на самом деле красиво. Я не знала, что мужчины ещё умеют так думать о коллективной работе.

Моника: Я знала. Просто они редко это говорят вслух.

Оксана: Девушки, а вы серьёзно думаете ехать?

Клэр: В этом весь смысл. Помнишь, что мы пишем? Про девочек, которые делают страшные вещи, потому что вино сладкое и жизнь короткая. Так вот — жизнь действительно короткая. И возможность написать книгу вчетвером у озера выпадает не каждый год.

Моника: Дмитрий. Я еду из Москвы — это просто, билеты дешёвы. Но я ставлю два условия. Первое: я отправляю твой адрес и копию твоего паспорта своей подруге. Если я не выхожу на связь раз в сутки — она звонит в полицию.

— Принимается. Могу ещё фото дома прислать и геолокацию.

Моника: Второе: я приезжаю, и если в первые сутки мне что-то покажется неправильным — любой намёк, любое давление, любая фальшь — я уезжаю. И ты не удерживаешь меня ни словом, ни взглядом.

— Обещаю. Я закажу такси, и оно будет стоять у дома весь день. Ты сможешь уехать на нём или отпустить, если решишь остаться.

Моника: Хорошо. Тогда я согласна. Дай мне сутки на окончательное решение.

Клэр: Подождите. Я только что поняла. Мы сейчас делаем ровно то, о чём пишем.

Моника: В смысле?

Клэр: Джессика. Бар. Вино. Лиза говорит: «Правда или действие». Джессика допивает бокал — и выбирает действие. Она не знает, что будет дальше. Она боится. Но она говорит «да». А теперь посмотрите на нас. Дмитрий предлагает нам действие — реальное, не вымышленное. Поехать к нему, работать над книгой, рискнуть. И мы сидим сейчас — три женщины в чате — и решаем: правда или действие?

Моника: ...Клэр. Это либо самая умная вещь, которую ты сказала за весь проект, либо самая безумная.

Оксана: Она права. Джессика выбрала действие — и её жизнь разломалась, но потом собралась во что-то новое. Мы весь месяц пишем про это. Про то, как страшно сделать шаг.

Про то, что вино и молодость снимают тормоза. А теперь мы сами...

Моника: Мы сами сидим перед выбором. И у нас нет вина. Только чат.

Клэр: Значит, решаем на трезвую голову. Это даже смелее.

Моника: (длинная пауза) Хорошо. Ты правда хочешь это оформить как игру?

Клэр: Ага. Я выбираю действие.

Моника: Господи. Я выбираю действие.

Оксана: ...Я тоже. Я выбираю действие.

Клэр: Дим? Ты слышал. Три действия. Игра началась.

Я прочитал эти три фразы — «я выбираю действие» — и почувствовал, как мурашки побежали по спине. История, которую мы писали, вдруг шагнула в реальный мир — или реальный мир шагнул в историю. Я был не готов к такому повороту. Пришлось, как говорится, подбирать мелодию на слух.

— Тогда добро пожаловать в игру, — напечатал я. — Вы выбрали действие. Но я не ведущий. Я тоже выбрал действие. И тоже не знаю, что будет дальше.

Клэр: Я, честно говоря, уже смотрю билеты из Оклахомы. Но есть нюанс — виза, всё такое. Это займёт время.

— Хорошо, тогда ориентируемся на тебя, пока у тебя самое сложное действие. Маякни, если понадобится помощь, приглашение или там подтверждение проживания, я сделаю.

Клэр: Тогда считайте, что рыжая бестия в деле. Но чур я выбираю комнату с видом на воду.

Оксана: (длинная пауза) Вы все сумасшедшие. Но я, наверное, тоже сумасшедшая. Если Моника приедет и скажет, что Дмитрий не маньяк — я лечу следом. Родителям скажу, что на стажировку. Они у меня доверчивые.

Клэр: Отлично! Тогда план такой: Моника — разведчик. Если через сутки она жива и довольна — мы с Оксаной подтягиваемся.

Моника: Я не разведчик. Я — рецензент с правом вето.

Клэр: Звучит как название для новой главы. Так и запишем.

Глава 4

Я стоял на перроне и ждал. Электричка из Москвы должна была прибыть в 14:17. Я приехал за сорок минут — специально, чтобы не опоздать, чтобы унять дрожь в коленях, чтобы успеть представить себе всё, что может пойти не так. Ничего не придумалось, кроме банальностей: она не сойдёт с поезда; она сойдёт, но не узнает меня; она узнает, но тут же уедет обратно.

Июльская жара плавил асфальт. Пахло разогретыми шпалами и дикой мятой, которая росла вдоль путей. На мне была светлая рубашка — я гладил её полчаса и всё равно остался недоволен, простые джинсы. За спиной, на парковке, ждала машина с бутылкой воды в подстаканнике и конди-

ционером, который я включил заранее, не глуша двигатель. Моника написала утром: «Выезжаю. У меня чёрный чемодан и недоверчивое выражение лица». Я ответил: «У меня серая рубашка и паническая атака». Она прислала смайлик. Смайллик от Моника — это было что-то новое.

Электричка показалась из-за поворота — зелёная, длинная, грохочущая. Я вытер ладони о джинсы. Двери открылись.

Люди выходили — дачники с рассадой, молодые пары с рюкзаками, бабушка с клетчатой сумкой. Я всматривался в лица. И вдруг увидел её.

Моника оказалась выше, чем я представлял. Она стояла в дверях вагона, и ей пришлось чуть наклонить голову. Первое, что бросалось в глаза — осанка. Прямая спина, расправленные плечи. Она не сутулилась, как человек, привыкший извиняться за свой рост. Она носила его как дорогую одежду.

Чёрный чемодан она спустила на платформу одним плавным движением — было видно, что путешествует она часто и без посторонней помощи. Затем шагнула сама.

На ней было тёмно-синее платье — простое, без узоров, но сидящее так точно, что сразу становилось ясно: оно куплено не в торговом центре. Платье доходило до колен и не пыталось ничего скрыть. Тонкая талия, бёдра, грудь, шея — всё было подчеркнуто с какой-то особой грацией. Никакого вызова. Никакого эпатажа. Мне стало стыдно за джинсы.

Волосы — тёмные, до плеч, уложены вроде небрежно, но

эта небрежность тоже была продуманной. Очки в тонкой чёрной оправе.

Она оглядела перрон, заметила меня — и на секунду замерла. Она оценивала. Сверяла ожидание с реальностью. Взвешивала, прежде чем сделать следующий шаг.

Я подошёл.

— Моника?

— Дмитрий.

Голос у неё был ниже, чем я ожидал. Спокойный, с лёгкой хрипотцой — может быть, от долгой дороги, а может быть, это было её обычное звучание. Она сняла очки, протёрла стёкла уголком платя, надела снова. Движения были точными, как знаки препинания в её текстах.

— Ты выглядишь ровно так, как я представляла, — сказала она наконец.

— Это комплимент или диагноз?

— Пока не знаю. Дай мне час.

Я рассмеялся. Она не улыбнулась, но в глазах что-то потеплело.

— Чемодан давай, помогу.

Она покачала головой:

— Я сама. Он нетяжёлый.

И сама покатила его к машине. Моника не нуждалась в помощи, но, кажется, оценила, что я предложил.

В машине она села на переднее сиденье. Чемодан отправился на заднее. Кондиционер обдувал нас холодным возду-

хом. Я отъехал от вокзала.

— Здесь красиво, — сказала она, глядя в окно на сосны и озеро вдалеке. — Ты не врал про вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.